

УДК 726.5:7.04

Реконструкция интерьера Нерчинской Успенской церкви начала XVIII в. (по документам Государственного архива Забайкальского края)

Е. С. Бушуева

*Иркутский национальный исследовательский технический
университет, г. Иркутск*

Аннотация. В преддверии знаменательной исторической даты Забайкальского края – 310-летия с момента получения служилым казачеством Нерчинска высочайшего указа Петра I об устройстве мужского монастыря в Даурской земле, остро встал вопрос о сохранении главного культового сооружения монастыря, дошедшего до наших дней в катастрофическом состоянии, – церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы. В связи с предстоящей реставрацией этого уникального памятника культового зодчества Сибири начала XVIII в., автор, обобщив неизвестный ранее материал архивных документов, реконструировал не только облик утраченного иконостаса, но и интерьер древнего храма в соответствии со стилем и культурно-исторической средой периода его строительства.

Ключевые слова: каменная монастырская Успенская церковь, реконструкция, высокий пятирусный иконостас, воссоздание списка икон храмового иконостаса, богатое декоративное убранство интерьера древнего храма, монастырские мастера, историческая среда.

Территориальные приращения Москвы в восточном направлении на протяжении XVI–XVIII вв. обусловили экстренное решение задач, вставших перед молодым, набирающим силу государством: во-первых, освоение и закрепление присоединяемых земель в составе единого государства; во-вторых, консолидация пришлого и местного населения на присоединенной территории; в-третьих, сбережение сибирским населением культурно-нравственных традиций, присущих русскому народу, и сохранение им тесной связи с метрополией.

Особое место в решении обозначенных задач отводилось деятельности Русской православной церкви. Заинтересованность в укреплении православия в Сибири как существенного фактора в освоении нового геополитического пространства стала отличительной особенностью всей российской политики начала XVII в. По этому поводу В. А. Александров и Н. Н. Покровский отмечали, что «в истории России с древнейших времен распространение православия на восток, в земли, находившиеся вне круга христианских цивилизаций, являлось прочной непрерывной традицией. Эта общая закономерность хорошо прослеживается и в ходе славянской колонизации территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока» [1, с. 26, 27; 15, с. 248].

Для Восточного Забайкалья впервые геополитические задачи были определены еще в 1655 г. в предписании воеводе Афанасию Пашкову «...поставить острог и всякими крепостями укрепиться... устроить настоящую церковь,.. воеводцкой двор и съезжую избу... даурского Лавкая князя с братиею и иных земель и улусных людей... к государевой милости призывать... и ясак с них сбирати... и привет, и бережение, а жесточи, и изгони, и насильства никому не чинить, чтоб Даурская земля вперед пространялась» [14, с. 47–48; 17, с. 10]. Дальнейшее продвижение на Восток требовало прочного закрепления на вновь приобретенных землях Даурии. Важным шагом в выполнении поставленной задачи стало устройство в Нерчинском остроге «настоящей церкви». Это вписывалось в общий контекст проводимой государственной политики – посредством возведения многочисленных культовых сооружений на присоединяемой территории символизировать принадлежность ее Московскому государству и обеспечивать с точки зрения религиозного представления небесное покровительство и защиту новых обширных владений. Полученное Пашковым предписание позволяет сделать вывод об особой роли Русской православной церкви в освоении восточных приграничных территорий и налаживании контактов с представителями не только автохтонного населения, но и сопредельных стран: Монголии, Китая и Маньчжурии.

Перед началом реставрационно-восстановительных работ появилась необходимость в четком определении архитектурного стиля Нерчинской Успенской церкви и воссоздания исторически достоверного интерьера. На существование жесткой взаимосвязи между экстерьером и интерьером культовых сооружений минувших столетий указывают все исследователи – архитекторы-реставраторы, искусствоведы, мастера декоративно-прикладного искусства, культурологи, историки и пр. В частности, архитектором С. В. Борисовым было замечено, что «при восстановлении цельного и гармоничного интерьера любого храма целесообразно соблюдать стилистическое единство его архитектуры и внутреннего убранства» [3; 4]. О существовании гармоничной взаимосвязи экстерьера и интерьера культовых сооружений писала и Г. С. Митыпова: «Крайне скудные сведения об интерьерах первых храмов не позволяют обрисовать полную картину облика храма» [16, с. 46].

Ранее автор в цикле своих статей дал исчерпывающее описание архитектурного стиля Нерчинской Успенской церкви. В предлагаемой же статье предпринята попытка реконструировать внутреннее убранство храма, основываясь на текстовой информации – сохранившихся исторических документах в Государственном архиве Забайкальского края. Целью проделанной работы стала разработка целостного, достоверного знания о предмете, ансамбле, эпохе, которое должно помочь проведению исторически верной реконструкции церковного интерьера реставрируемого памятника культового зодчества начала XVIII в.

Монастырская Успенская церковь – первое каменное строение в городе Нерчинске и первое возведенное из кирпича на огромном пространстве от Байкала до берегов Тихого океана. Ей присуще важнейшее историко-мемориальное значение как памятника казакам-первопроходцам, присоеди-

нившим к Московскому царству колоссальную территорию от Байкала до Камчатки. Оттого Успенская церковь ассоциируется не столько с символом Забайкалья, сколько с символом русского присутствия на всем Дальнем Востоке [5, с. 163; 6, с. 89–96; 7, с. 44; 8, с. 240; 9, с. 322; 10, с. 400; 11, с. 99–110].

Каменная пятиглавая церковь была возведена на территории Свято-Успенского мужского монастыря, основанного по настоятельной просьбе влиятельного нерчинского казака сына боярского Никиты Титова Варламовых [12], на месте первого Нерчинского «зимовья с нагороднею», заложенного в «генваре» 1753 г. десятником Максимом Уразовым «на южной стороне Шилки в трех верстах ниже устья реки Нерчи по речке Арзамасовке» [12, д. 36]. Ее возводили долгие четыре года, с 1708-го по 1712-й, попечением нерчинских казаков, пришедших в земли Даурии с отрядом воеводы Афанасия Пашкова.

Церковь предназначалась для многолюдных торжественных богослужений. Решение освятить ее во имя Успения Пресвятой Богородицы не было случайным. Оно возникло еще в момент закладки храма. Во-первых, данный выбор соответствовал традиции того времени – называть главный храм города Успенским, а Нерчинск, как известно, получил статус города еще в 1689 г. Во-вторых, изначально в строящемся Свято-Успенском мужском монастыре каменному зданию отводилось главное место. Вот почему маленькую деревянную церковь, возведенную ранее, освятили во имя Богоявления Господня, а каменную – во имя Успения Пресвятой Богородицы. В-третьих, при наименовании церкви казаки-строители ориентировались на сакральное значение библейского Успения Богородицы, олицетворяющего собой не смерть, а возрождение к новой лучшей жизни. Разве не об этом мечтали люди, заброшенные судьбой за «большое море» (оз. Байкал) и «большой камень» (Яблоневого хребта) – на окраину формирующейся Российской империи?

В храме, возведенном с благословения Преосвященного Варлаама (Косовского), епископа Иркутского и Нерчинского, викария Тобольской митрополии, первоначально был один престол во имя Успения Божьей Матери, освященный 7 октября 1712 г. В холодном приделе, где помещался главный престол, богослужение совершалось только летом. Впоследствии, с упразднением Свято-Успенского мужского монастыря, Успенскую церковь в 1775 г. перевели в разряд обычных приходских церквей. Вслед за этим в ее теплом приделе открыли два новых престола. На левой стороне – во имя Живоприемного Источника Пресвятой Богородицы, освященный 29 декабря 1798 г., а на правой – во имя Богоявления Господня, который освятили 4 октября 1804 г. [13, д. 36, д. 125, д. 185, д. 399; 13, ф. 8, оп. 1, д. 2313].

В каждом из трех приделов находился свой иконостас. Особой красотой и богатством славился иконостас холодной каменной церкви.

Для улучшения эстетического восприятия убранства внутреннего интерьера храма и, в частности, главной его части – иконостаса Успенского придела перенесли главный церковный вход с западной стороны на северную стену. О главенстве северного входа свидетельствовало и то, что «на стороне вне церкви» в глухом арочном проеме (люнете), над церковной дверью, разместили на «дощатом киоте» писанный красками «образ Пресвятой Богоро-

дицы Владимирской». Образ Небесной Покровительницы Земли Русской, встречающий православных прихожан у входа в храм, был немым свидетельством сложившегося в сознании служилых людей твердого убеждения о территориальной принадлежности Даурии к Российскому государству. Монастырская церковь продолжительное время являла собой символ могущества самодержавной власти в удаленном регионе и вела активную просветительскую деятельность среди местного населения.

Любой входящий в храм с северной стороны попадал в небольшое, залитое солнцем помещение, в котором он мог двигаться лишь вдоль иконостаса, что обостряло восприятие всего объема интерьера, слегка вытянутого с севера на юг. Особенно красиво воспринималось внутреннее пространство храма в лучах заходящего летнего солнца. В этот момент иконостас преображался. Солнечные лучи, играя на золотых и серебряных окладах икон, сверкая в отражении самоцветов, одухотворяли и оживляли его. Сияющий иконостас сам превращался в некий источник света, озаряющий теплым золотистым отсветом все внутреннее пространство храма. Поэтому, перешагнув порог церкви, человек сразу же погружался в обстановку нереальной божественной красоты и умиротворения. Этот резкий контраст между земной реальностью и неземной одухотворенностью внутреннего пространства церкви достигался отсутствием паперти. Отсутствие этой важной части в архитектуре Успенской церкви могло свидетельствовать о незавершенности храмового комплекса. Вместе с тем оно имело ряд положительных моментов в условиях многонациональности Нерчинского воеводства. В небольшом молебном зале стояли и те, кто только собирался принять православную веру, и те, кто был причастен к ней с рождения. Здесь были и новокрещенные инородцы, и мужественные герои, которые с верой в Бога и покровительство Пресвятой Богородицы присоединили эти отдаленные богатые территории к Русскому государству.

Взяв за основу содержание «Описей расходных и приходных книг 1726–1729 гг.», сохранившихся в фондах Государственного архива Забайкальского края, попытаемся восстановить внешний вид иконостаса, некогда размещавшегося в холодном приделе старинной церкви [13, д. 4, 7].

В монастырской Успенской церкви к первой четверти XVIII в. был установлен высокий пятирусный деревянный иконостас (рис. 1). Он занимал площадь от южной до северной стены и продолжался в «заломе» на северную сторону. Сохранившаяся побелка алтарной стены предоставила возможность установить с определенной точностью общую высоту Успенского иконостаса.

В статье представим лишь краткое описание главных икон и их размещение в чинах иконостаса. Пятирусный иконостас, возвышающийся в восточной части церкви, состоял из местного чина с Царскими вратами и расположенным над ним «Деисусом в четыре става» [13, д. 4]. Местный чин иконостаса включал прекрасный межвратный образ Успения Пресвятой Богородицы, «писанный красками». Его особое месторасположение – справа от образа Спасителя, и щедрое убранство – все указывало на то, что он был главной храмовой иконой. Изобилие жемчуга, отделки из драгоценных металлов и дорогой импортной ткани подчеркивали ее избранность: «серебряные венцы у

Богородицы и у Спасителя», стоящего подле ложа с душой Богородицы в обличье спеленатого младенца, «чеканной работы под золотом». Облик Богородицы на иконе был богато украшен: «у головы Богородицы ожерелье жемчужное крупного жемчугу» [Там же]. По прикладу «серьги серебряные и подвесы жемчугу половинчатого китайского», а поверх одежды ее рассыпаны «камешки простые цветные» – уточняется в монастырской описи [Там же]. По всей вероятности, это были далеко не «простые камешки», а полудрагоценные самоцветы «высшего достоинства», промышленные в шестнадцать верстах от монастыря. Среди них встречались удивительной красоты «аквамарины, колчеданы, сердолики, аметисты» и кроме них еще множество других восхитительных самоцветов [12]. В дополнение на иконе «прикладу четыре креста серебряных», в том числе «два креста с финифтью», а «по полям иконы оклад серебряный простой бес позолоты басмянной работы» [13, д. 4]. Эта храмовая местночтимая икона «Успение Пресвятой Богородицы» даже после забвения монастыря и начавшегося разрушения каменной церкви со слободкой продолжала оставаться весьма почитаемой в народе.

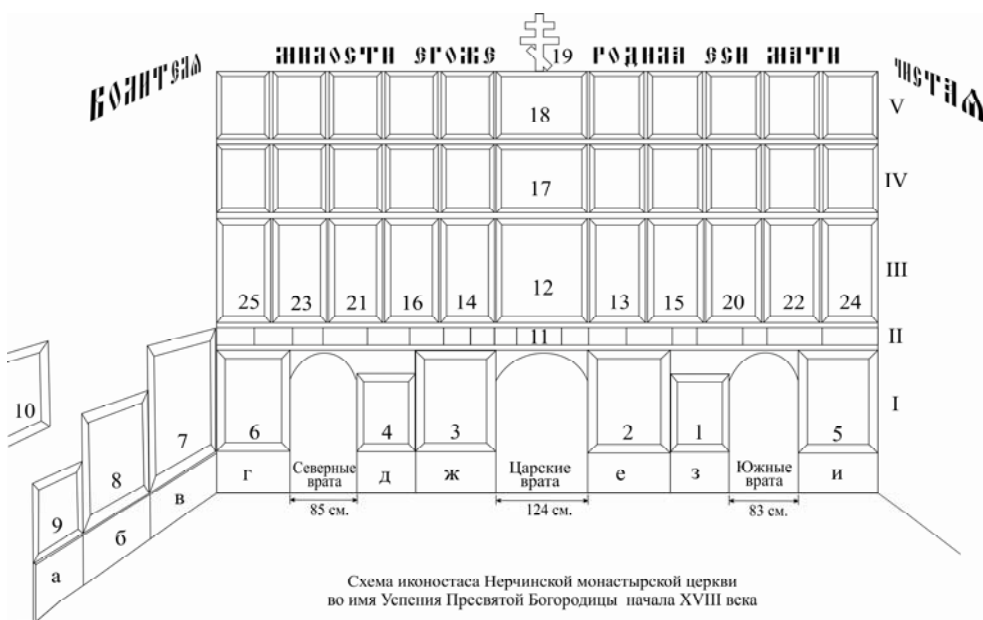

Рис. 1. Схема иконостаса Нерчинской монастырской церкви нач. XVIII в.

Слева от иконы Успения Пресвятой Богородицы расположили межвратный образ Спасителя Нерукотворного. Икона Спасителя, который так же как и храмовая икона, удивляет своим дорогим и изысканным оформлением: «гривна венец оклад иконы серебряные с позолотом вся резьба гладкая, а по полям оной отделка серебряная же басмянной работы» [Там же]. Эти две главные иконы храма – Спасителя Вседержителя и Успения Пресвятой Бого-

родицы, прикрывались одной завесой «камчатой синего цвета» – цвета, олицетворяющего как Богоматерь, соединившую в своем непорочном образе земное и небесное, так и устремленность греховного мира к Богу-Отцу.

Рядом с Царскими вратами, с левой стороны от них, по православным традициям помещалась третья из икон первостепенной важности – икона Божьей Матери с младенцем на руках. В иконостасе Успенской церкви образ Пресвятой Богородицы был исполнен в каноне «Знамение». На оформление и этой иконы затратили немало средств: «риза венец и кругом их оклад серебряные под золотом все работы чеканные сама же икона писана красками» [Там же]. Вокруг образа Богоматери на киоте были изображены сцены из ее жития, т. е. «написаны образы Богоматери разных видений двенадцать». Сам образ был выполнен с удивительным мастерством и любовью: «А у Знамения Богородицы оглавие жемчугу русского боярского крупного числом 40, а у Спасителя во младенчестве кругом венца жемчугу мелкого речного же числом 37 будет вся икона резная столбцы точеные золоченые листовым золотом и серебром» [Там же]. Изумляет обилие жемчуга в убранстве иконы. Святые образы были щедро осыпаны жемчужинами различной величины и достоинства. Среди них попадались крупные китайские, перламутровые «русские боярские» и мелкие зернышки речного жемчуга.

Рядом с иконой Пресвятой Богородицы «Знамение» находилась икона Николая Чудотворца «с житием в рамах». На иконе имелись «венец и гридна серебряные, а складки резные под золотом» [Там же]. В местном чине, помимо перечисленных икон, были размещены еще четыре: «Вход в Иерусалим град нашего Иисуса Христа», «Огненное выхождение славного Ильи Пророка», «Святой Евангелист Иоанн Богослов» и «Усекновение честной главы Иоанна Предтечи» [Там же].

Таким образом, иконы местного чина, украшенные массивными серебряными и позолоченными окладами, богато убранные жемчугом, самоцветами и финифтью, придавали всему иконостасу богатый и нарядный вид. При сопоставлении размеров алтарной стены с проемами под Царские и дьяконские двери с количеством икон местного чина и их габаритами становится очевидным существование заворота иконостаса на левую стену.

Над Царскими дверями возносился «Деисус в четыре става с апостолами и с пророками на красках». В верхнем чине «в середине Праотцев», «писаных на красках», поместили образ «Отечество – Отче и с ним Сын, и чистый Дух» [Там же]. «Отечество», как древнерусская трактовка изображения Святой Троицы, передавал более рационально и «прямолинейно» непостижимую сущность Бога единого в трех лицах и трех ипостасях. Подобное художественное воплощение Божественной единственности, уточняла Н. А. Барская, было свойственно на тот период времени лишь культовому искусству Новгорода [2, с. 136].

Следующий ряд икон включал изображение ветхозаветных 12 пророков. В нем ветхозаветные пророки были обращены к образу Богоматери, к той, которая подарила миру его Спасителя. Поэтому в середине чина оставили место для образа «Знамение Пресвятой Богородицы» [13, д. 4]. Главная икона

была отделана богатым серебряным окладом «чеканной работы» с «басмянным золочением». Поверх писаного лика Богоматери был приложен изящно выполненный «жемчужный убрus» из речного жемчуга. Обращает на себя внимание то, что глубоко почитаемая среди выходцев из Новгорода икона «Знамение Пресвятой Богородицы» была единственной богато оформленной из икон верхних двух чинов. Этот факт подтверждает особую значимость ее для устроителей Успенского монастыря.

Таким образом, многоярусный иконостас Успенской церкви, укрепленный на алтарной стене, имел заворот на боковую северную стену. В ходе сравнительного анализа обнаружилось, что в убранстве Успенского иконостаса были использованы принципы оформления, характерные для иконостасов северорусских городов. Воссоздание интерьера церкви, и в частности иконостаса, показало, что в нем удачно сочетались два момента – списки с новгородских икон с их строгими, подчас суровыми ликами святых и псковская пышность убранства этих образов. Данная особенность дает основание считать безвозвратно утраченный иконостас Успенской церкви уникальным творением декоративно-прикладного искусства.

Иконостас дополнялся иконами, отдельно висящими на северной и западной стенах. Размещенный на «западном своде» «образ Спасителей и при нем Флора и Лавра, и прочих святых», вставленный в дорогой оклад «по полям серебряный под золотом, весом двенадцать золотников», преследовал цель усилить психологическое воздействие на присутствующих людей. Тщательно продуманная планировка церкви и расположение икон способствовали предельному «оцерковлению» ее интерьера.

Помимо богослужебного назначения, храму были свойственны и другие функции, получившие отражение в своеобразии его интерьера. С момента закладки Успенский храм возводился в смешанном стиле: как монастырский и как купеческий. На принадлежность к монастырю указывала невысокая трапезная, примыкающая к западному фасаду основного объема здания церкви и соединяющаяся с шатровой колокольней. Подобный внешний вид был характерен лишь для монастырских строений. Из архивных документов стало известно, что в былые времена «в холодной каменной церкви в зимнее время служить было трудно, разве в воскресенье и праздничные дни, и то литургию». Поэтому состарившиеся казаки-монахи зачастую «утреню и вечерню когда настoit надобность отправлять – отправляли в столовой, где хлеб дают, ибо все монахи престарелые и одеянием скудные, и стужу терпеть не могут» [13, д. 4, д. 7]. Хорошо зная суровость здешнего климата, строители преднамеренно возвели низкое помещение трапезной для лучшего сохранения тепла в сильные морозы. До сих пор в разрушенном помещении бывшей трапезной сохранился дымоход от некогда стоящей здесь спасительной русской печи.

Первоначально в «трапезе над церковными дверями», соединяющими ее с холодной каменной церковью, был укреплен «образ Господа Вседержителя в трех лицах» в иконостасе резном, золоченном листовым золотом. Рядом с ним помещен «образ Пресвятой Богородицы Владимирской». С другой стороны был расположен образ «Нерукотворенный» в деревянном резном киоте. Позднее в

трапезной открыли и освятили два новых теплых придела, иконостасы которых были небольшие, в три става, состоящие из икон старинного письма.

Автору статьи в процессе работы с архивными документами удалось составить подробный перечень и расположение икон иконостаса холодного Успенского придела, а также двух иконостасов теплых приделов. Собранная информация может оказать большую практическую помощь не только в понимании специфики социокультурной среды Нерчинска того периода времени, но и позволит исторически верно реконструировать внутренний интерьер уникального памятника культового зодчества Сибири начала XVIII в. для тех, кто впервые обращается к проектированию убранства интерьеров православных храмов (рис. 2).

Рис. 2. Церковь Нерчинского Успенского монастыря. Возведена в 1712 г. Фото А. А. Щеглова, С. А. Бушуева

Список литературы

1. Александров В. А. Власть и общество: Сибирь в XVII в. / В. А. Александров, Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, 1991. – 401 с.
2. Барская Н. А. Сюжеты и образы древнерусской живописи / Н. А. Барская. – М. : Просвещение, 1993. – 223 с.
3. Борисов Г. Д. К проблеме воссоздания проекта экстерьера и иконостаса Томской заводской церкви XVIII века / Г. Д. Борисов // Вестн. КемГУКИ. – 2013. – № 24. – С. 149–156.
4. Борисов С. В. Методика поиска аналогов при проектировании иконостасов православных храмов / С. В. Борисов // Вестн. ИрГТУ. – 2015. – № 3(96). – С. 124–130.
5. Бушуева Е. С. История строительства Нерчинской Успенской церкви в документах Государственного архива Забайкальского края / Е. С. Бушуева // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2013. – № 7. – С. 160–163.
6. Бушуева Е. С. Нерчинская Успенская церковь – идентификация архитектурного стиля / Е. С. Бушуева // Вестн. ИрГТУ. – 2015. – № 4(99). – С. 89–96.

7. Бушуева Е. С. Нерчинская Успенская церковь: архитектура и внутреннее убранство начала XVIII в. (к 300-летию со дня строительства и освящения) : учеб.-метод. пособие / Е. С. Бушуева. – Чита : ЗабКИПКРО, 2012. – 104 с.

8. Бушуева Е. С. Нерчинская Успенская церковь: историко-культурная характеристика / Е. С. Бушуева, П. А. Новиков // Техничко-экономические проблемы развития регионов : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. г. Иркутск, 24–25 апр. 2015 г. – Иркутск : ИРНИТУ, 2015. – Вып. 14. – С. 231–240.

9. Бушуева Е. С. Обоснование исторической и архитектурной уникальности Нерчинской Успенской церкви / Е. С. Бушуева // Вестн. ИрГТУ. – 2015. – № 1(96). – С. 312–323.

10. Бушуева Е. С. Проблемы сохранения Нерчинской Успенской церкви как уникального историко-культурного памятника Забайкалья / Е. С. Бушуева // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 330-летию со дня основания Посольского Спасо-Преображенского монастыря. г. Улан-Удэ, 30–31 мая 2013 г. – Улан-Удэ, 2013. – С. 395–404.

11. Бушуева Е. С. Роль архивных документов в определении архитектурного стиля уникального памятника культового зодчества Забайкалья – Нерчинской Успенской церкви / Е. С. Бушуева // 90 лет Забайкальской архивной службе : материалы науч.-практ. конф. / ред. сост. Т. А. Константинова. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2014. – С. 99–110.

12. ГАЗК. Ф. Р-1872. Оп. 1. Д. 10. Давендинский РУ. Копия годовых отчетов за 1941, 1942, 1943, 1944 годы.

13. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 282. Оп. 1.

14. Константинова Т. А. Нерчинское воеводство (1655–1783) / Т. А. Константинова, А. Н. Халетский // Нерчинское Забайкалье. Архивный вестник № 6 / под ред. М. В. Константинова. – Чита, 2003. – С. 10–59.

15. Манькова И. Л. Формирование православного ландшафта Зауралья в XVII в. / И. Л. Манькова // Урал. ист. вестн. – 2008. № 4 (20). – С. 83–98.

16. Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии / Г. С. Митыпова, Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Республ. тип., 2005. – 187 с.

17. Соломина Е. И. Вхождение бурятских племен в состав России как модель внешнеполитического подчинения местного населения Сибири / Е. И. Соломина // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ : ВСГАКИ, 2003. – С. 187–193.

Interior Reconstruction of Nerchinsk Assumption Church of the Early XVIII Century. On the Basis of Documents from Zabaikalye Territory State Archive

E. S. Bushueva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Abstract. In the threshold of the remarkable date in the history of Zabaikalye Territory – the 310th anniversary of Imperial Edict issued by Peter I to Nerchinsk service class Cossacks to set up monastery – the problem of preserving Assumption Day Ministry being the main religious building, which survived in extremely bad condition, is very pressing. Taking into account upcoming restoration of this unique piece of Siberian architecture of the VIII cen-

ture the author summarized archival documents unrevealed before and managed to reconstruct not only the image of the lost iconostasis but the church interior in compliance with the style, and cultural and historical environment of the time when it was constructed.

Keywords: Assumption minister made of stone, reconstruction, high 5-level iconostasis, recreation of the list of ministry iconostasis icons, rich church interior ornamentation, monastery craftsmen, historical environment.

Бушueva Елена Сергеевна

старший преподаватель

*Иркутский национальный исследова-
тельский технический университет
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
тел.: 8(3952)405483
e-mail: info@istu.edu*

Bushueva Elena Sergeevna

Senior Teacher

*Irkutsk National Research Technical
University
83, Lermontov st., Irkutsk, 664074
tel.: 8(3952)405483
e-mail: info@istu.edu*